

А.П. Ушакова (Ярославль, Россия)

Реализация ложной положительной оценки в синтаксических фразеологизмах современного русского языка

Аннотация: В работе рассматривается возможность синтаксических фразеологизмов реализовывать ложную положительную оценку. Синтаксический фразеологизм, как известно, состоит из опорного и лексически свободно варьируемого переменного компонента. Полная или частичная десемантизация опорного компонента обуславливает реализацию синтаксических фразеологизмов различных оценочных значений. Приобретаемое словом значение возможно лишь в пределах структуры синтаксического фразеологизма. Формальная невыраженность отрицательной оценки и, следовательно, асимметрия между планом означающего и планом означаемого являются проявлением признака идиоматичности, который характерен для всех фразеологических единиц русского языка. Представленные в работе схемы построения синтаксических фразеологизмов («Хорош + NI», «Много + Pron + V», «Буду / стану + V_{inf}», «Надо (же) + V_{inf}», «Охота + V_{inf}») являются наиболее достоверными примерами реализации ложной положительной оценки, но не исключают существования иных схем.

Ключевые слова: синтаксический фразеологизм, опорный и переменный компоненты, десемантизация, оценка, асимметрия языкового знака

A.P. Ushakova (Yaroslavl, Russia)

Syntactical Idioms with a False Positive Assessment in Modern Russian

Annotation: This article discusses how syntactical idioms may realize a false positive assessment. The syntactical idiom, as is known, consists of a constant and a variable. A complete or partial semantic loss of the constant component may bring about different evaluative connotations. The word acquires its meaning only within the structure of a syntactical idiom. The formal absence of a negative assessment and, therefore, asymmetry between the signifier and the signified manifest idiomatichity which is characteristic of all syntactical idioms in modern Russian. The colligation and collocation patterns “Хорош + NI”, “Много + Pron + V”, “Буду / стану + V_{inf}”, “Надо (же) + V_{inf}”, “Охота + V_{inf}” illustrate false positive assessment most vividly. These, however, do not rule out other models.

Key words: syntactical idioms, constant and variable components, desemantization, assessment, asymmetry of the language sign

Синтаксические фразеологизмы являются специальным синтаксическим средством, предназначенным для выражения субъективно-модальных значений [РГ 1980: §2192]. Следует отметить, что одни из первых работ по синтаксической фразеологии (работы Д.Н. Шмелева, Н.Ю. Шведовой) датированы серединой XX в., однако после этого особого внимания лингвистов к исследуемому явлению не отмечается.

Синтаксические фразеологизмы – это построения, в которых связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми [РГ 1980: §2192]; это конструкции с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой, словоформы в них связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия [РГ 1980: § 2582].

Для исследуемых построений характерна двукомпонентность (наличие опорного и переменного компонентов), десемантизация опорного компонента, асимметричность между означающим и означаемым, сниженная стилистическая маркированность, способность реализации оценочного значения.

Синтаксические фразеологизмы не строятся каждый раз в языке заново, а воспроизводятся в готовом виде. Они обладают «фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда порядок слов и наличие строго определенных, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определенных служебных слов» [Шмелев 2002: 419]. Это обуславливает тот факт, что синтаксические фразеологизмы строятся по определенным фразеологическим схемам, или фразеосхемам.

Фразеосинтаксическая схема – это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной или/и модусной пропозиции, выражающая членимое понятийное смысловое содержание (т. е. равное суждению), обладающая грамматической и лексической частичной членимостью, проницаемостью, распространяемостью, сочетающаяся с другими высказываниями в тексте по традиционным правилам и выполняющая в речи эстетическую функцию [Меликян 2014: 153].

Как известно, в составе синтаксического фразеологизма слова, входящие в опорный компонент, подвергаются полной или частичной десемантизации при сохранении категориальных значений. Часто слово меняет свое значение на противоположное, таким образом, например, происходит нейтрализация и реализация значения негативной оценки или отрицания. В современном русском языке продуктивны модели построения СФ, в которых опорный компонент представлен словом с ложной положительной оценкой. Наиболее отчетливо это прослеживается в моделях: «Хорош + NI», «Много + Pron + V», «Буду / стану + V_{inf} ».

Данные синтаксические построения, как отмечается в «Русской грамматике», предназначены для выражения субъективно-модального значения, т. е. в них не заложена новая информация, они не являются новым сообщением, а служат лишь для оценки, реакции на сообщение говорящего.

В состав опорного компонента в приведенных схемах входят знаменательные части речи (краткое прилагательное *хорош*, глаголы *буду*, *стану*, наречие *много*). Опорный компонент подвергается десемантизации, которая связана с асимметрией языкового знака, а следовательно, и с ложной положительной оценкой.

В.Г. Гак [Гак 1990] полагал, что языковая асимметрия заключается в различении ядра-периферии, а также характеризуется расхождением между означающим и означаемым; последний феномен мы находим в синтаксических фразеологизмах.

Прилагательное *хороший* имеет значение ‘вполне положительный по своим качествам, такой, как следует’. Стоит заметить, что в словарях зафиксировано значение краткого прилагательного *хорош* в качестве ‘выражения иронического отношения к кому- / чему-нибудь, пренебрежительно-неодобрительной оценки кого- / чего-нибудь (разг.)’: *Хороша история*. Значение прилагательного *хорош* нейтрализуется, обобщается до значения «негативной оценки» или «отрицания». При этом прямое значение остается частично актуальным для понимания коммуникативного смысла высказывания. Ср.: *Хорош свидетель, на основании показаний которого Лыкуся загремела за решетку!* (Д. Донцова); *Это чисто джентльменский договор. «Хорош джентльмен!» – подумал я, сжимая кулак в узком кармане кожаных брюк.* (В. Запашный); *Уехал в день решающего матча? Хорош, нечего сказать! А Медузия, надеюсь, здесь?* (Д. Емец); *Хорош, ничего не скажешь, этот Верховный Совет, если его фашисты охраняют!* (А. Моторов); *Степаша запаздывал, а матушка его несла что-то с Дону, с моря... занимала время. Тоже хороша, ничего не скажешь. Та еще штучка* (А. Волос).

Таким образом, синтаксический фразеологизм с опорным компонентом кратким прилагательным *хорош* может реализовать значение негативной оценки предмета речи, который формально оценивается положительно, в сочетании с неодобрением, порицанием, возмущением, а также значение несогласия, отрицания факта, который формально утверждается и положительно оценивается, в сочетании с недоверием, неодобрением, пренебрежением, насмешкой.

Наречие *много* (‘в большом количестве, в значительной степени; не мало’) десемантизируется в структуре синтаксического фразеологизма. Слово *много* в структуре синтаксического фразеологизма приобретает обратное значение (‘мало’) и влияет на семантику переменного компонента, которая под воздействием тоже меняется на противоположную. Ср.: *Много ты знаешь, кто чего может придумать или не может* (А. Маринина). Интерпретировать значение такого построения возможно двумя способами, которые буквально будут означать следующее: 1) *Ты мало знаешь о том, что...*; 2) *Ты много не знаешь о том, что...* Высказывание содержит оценку говорящим предмета речи как абсолютно не удовлетворяющего какому-либо признаку в сочетании с безразличием, равнодушием и т. п. Ср.: *«И потом, ты не медийное лицо»; «Много ты понимаешь. Медийное-шмедийное...»* (М. Трауб); *Много ты сама можешь! Говорит, я ее не пускаю* (КП, 2013).

Формально реализуется ложная положительная оценка предмета речи. Однако адресат речи оценивается говорящим как обладатель самой низкой степени признака – ‘абсолютно ничего не знающий, не думающий, не понимающий’. При этом оценка содержится в постоянном компоненте – наречии, которое формально является показателем проявления высшей степени какого-либо признака. «Чаще всего это не насмешка, а просто фамильярное “отрицание” или грубое возражение» [Шмелев 2002: 320].

Ложная положительная оценка может заключаться в синтаксических фразеологизмах, опорным компонентом в которых является глагол. Например, синтаксические фразеологизмы, построенные по схеме «*Буду / стану + V_{inf}*», формально представляют собой согласие говорящего с чем-либо и абсолютное намерение что-либо совершить, однако в таких построениях реализуется значение отрицательного отношения говорящего к ситуации и предмету речи. Ср.: *Стану я время терять! Достаточно сходить на дюжину свиданий, чтобы узнать о мужчинах всё* (Д. Емец); *Ни в какой комитет комсомола я, разумеется, не пошла – еще чего? Буду я доносить! Дала отпор – и прекрасно* (Звезда, 2002).

Слова *стану, буду* в ироническом употреблении означают ‘совершенно не намерен’. Значение реализуется без использования отрицательных средств (*не буду, не стану*). Внешне реализуя утверждение, они имеют значение иронического отрицания.

Ложная положительная оценка реализуется в синтаксических фразеологизмах, построенных и по иным схемам. Например, в конструкциях типа «*Надо (же) + V_{inf}*» прямое лексическое значение модального слова утрачивается. *Надо* (‘следует, необходимо’) в структуре синтаксического фразеологизма приобретает значение, близкое слову *неужели*: *И надо же было так случиться, что именно этот, в общем, здоровый парень упал в самый решающий момент, не удержав лагу, и та неожиданно выскользнула из-под камня* (В. Быков, 2002). Также модальное слово может приобретать обратное значение (‘не надо’), но при этом схема построения иная – «*Очень / больно надо + V_{inf}*» в русском языке она продуктивна в измененном виде: *На самом деле мне всё равно, но вдруг дойдет до моих родителей, начнут расстраиваться, очень надо!* (А. Слаповский, 2010); *Чтобы за прогулку в шортах камнями закидали? Очень надо!* (КП, 2012); *Вот еще, яичницы жарить, носки стирать каждый день, да еще критику слушать, больно надо!* (КП, 2011). В последнем примере глаголы *жарить, стирать, слушать*, именно в форме несовершенного вида, по мнению Д.Н. Шмелева, «поддерживают» ироническое отрицание, которое создается интонацией и противоречит логическому содержанию высказывания [Шмелев 2002: 315].

Одно из возможных значений, которое реализуется в синтаксических фразеологизмах данного типа, – это значение негативной оценки, удивления, неодобрения, недовольства, сожаления, огорчения, досады [Меликян 2014: 65]. В «Русской грамматике» это значение сформулировано следующим образом: неодобрение, недовольство, сожаление по поводу неуместности или незакономерности чего-либо [РГ 1980: § 2194].

Десемантизация опорного компонента прослеживается и в синтаксических фразеологизмах типа «*Охота + V_{inf}*». Ср.: *Охота тебе эксперименты проводить... я тебе и так верю* (А. Слаповский, 2006); *Да охота вам там колготиться почем зря* (Д. Рубина, 2008–2009). В таких построениях слово *охота* изменяет свое закрепившееся в русском языке значение ‘хочется’. Однако для реализации семантики экспрессивного отрицания необходимости, желательности слово не меняет свое значение на противоположное (‘не хочется’), а приобретает абсолютно иное – ‘зачем, к чему, с какой стати’ [Шмелев 2002: 317].

Однако В.Б. Меликян отмечает реализацию данным фразеологизмом следующих значений: 1) отрицание необходимости какого-либо факта, о котором формально спрашивается: «не следует», «не стоит», «не делай», «не буду делать что-либо»; в сочетании с несогласием, неодобрением, осуждением, порицанием, возмущением; 2) негативная оценка факта, о котором формально спрашивается, его оценка как нецелесообразного, ненужного, бесплодного в сочетании с неодобрением, порицанием, огорчением, удивлением [Меликян 2014: 65]. Второе значение близко выделяемому Д.Н. Шмелевым, а первое является подтверждением факта реализации в синтаксических фразеологизмах ложной положительной оценки, асимметрии между означаемым и означающим.

Оценочное значение синтаксических фразеологизмов обусловлено не только полной или частичной десемантизацией опорного компонента, но и определенным порядком слов, когда на первое место выносятся опорный компонент, интонацией. Асимметрия плана содержания и плана выражения обуславливает неизменный порядок следования компонентов синтаксических фразеологизмов.

Значение, которое приобретает слово, возможно только в структуре синтаксического фразеологизма при реализации регулярных схем построения. Формальная

невыраженность такого значения отрицания или негативной оценки является проявлением признака, присущего всем фразеологическим единицам, – идиоматичности.

ЛИТЕРАТУРА

Гак В.Г. Асимметрия в языке // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. tapemark.narod.ru/les/

Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечлененого предложения: Учеб. пособие. Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 2004. 288 с.

Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология: Учеб. пособие. М.: Флинта, 2014. 232 с.

Меликян В.Ю. Фразеологические схемы с опорным компонентом – полнозначительным словом: структурно-семантический и функциональный аспекты // Русский язык в школе. 2014. № 8. С. 63–69.

Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. 712 с.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Институт русского языка РАН. М.: Азбуковник, 2003. 378 с.

Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. 887 с.

REFERENCES

Gak V.G. (1990) Asymmetry in Language. In: Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow. 1990. tapemark.narod.ru/les/

Melikian V.Yu. (2004) The Modern Russian Language. Syntax of Unshared Sentences. Rostov-na-Donu. Rostov State Pedagogical University Press. 2004. 288 p.

Melikian V.Yu. (2014) The Modern Russian Language. Syntactic Phraseology. Moscow. Flinta Publ. 232 p.

Melikian V.Yu. Phraseological Schemes with a Basic Component – a Full-significant Word: Structural-semantic and Functional Aspects. *Russky Yazyk v Shkole*. 2014. No 8, pp. 63–69.

Russian Grammar: In 2 vols. Vol. 2: Syntax. Moscow. 1980. 712 p.

Shvedova N.Yu. (2003) Essays on the Syntax of Russian Discourse. Moscow. Azbykovnik Publ. 2003. 378 p.

Shmelev D.N. (2002) Selected Works on the Russian Language. Moscow. Yazyki Slavyanskih Kultur Publ. 887 p.

Сведения об авторе:

Алина Павловна Ушакова,
аспирант

филологический факультет
кафедра русского языка

Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского

Alina P. Ushakova,

Postgraduate

Philological Faculty

Department of Russian Language

Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky

ushakowalina@yandex.ru